

Обзоры и рецензии Surveys and Reviews

DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00026

С.В. Кондратьев (Тюмень)
ORCID ID: 0000-0002-9861-5032
Т.Н. Кондратьева (Тюмень)
ORCID ID: 0000-0001-5358-1046

БОРИС ПОРШНЕВ – НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЛИТЕРАТУРОВЕД

Аннотация. Статья посвящена раннему творчеству известного советского историка Бориса Федоровича Поршнева (1905–1972), который в 1930-х гг. помимо прочего занимался литературными изысканиями, писал рецензии и предисловия к литературным произведениям отечественных и зарубежных авторов, пытался исследовать творчество Пушкина. Основной тезис, доказываемый в статье: все литературоведческие тексты Б.Ф. Поршнева разнородны, написаны на разные темы и, очевидно, по разным случаям и поводам. Литературоведческие занятия историка были обусловлены случайными причинами, среди которых преобладают материальные (работа на заказ). Интерпретационная аргументация Б.Ф. Поршнева не отличается разнообразием. В его работах воспроизводится советский марксистский дискурс 1930-х гг. Все литературоведение Б.Ф. Поршнева объединяет то, что на характеризующие произведения и их авторов он смотрел с социальной точки зрения. Социальной позицией автора Б.Ф. Поршнев объяснял его воззрения и даже эстетику. Литературные герои у историка либо охранители старого, либо приверженцы нового, занятые взаимной борьбой. Очень часто в литературе Б.Ф. Поршнев усматривает тему революции и классовой борьбы, упрощая и даже профанируя интерпретируемую им литературную ткань. Литературоведение Б.Ф. Поршнева отличается отсутствием какой бы то ни было замысловатости и ценно своей подчеркнутой типичностью. Особое внимание уделено незаконченным пушкинистским исследованиям историка. Б.Ф. Поршнев полагал, что в творчестве поэта преобладали темы революции, народа и интернационализма.

Ключевые слова: Б.Ф. Поршнев; А.С. Пушкин. А.И. Рюм; В.С. Печерин; рецензия; предисловие; интерпретация; случайность.

S.V. Kondratiev (Tyumen)
ORCID ID: 0000-0002-9861-5032
T.N. Kondratieva (Tyumen)
ORCID ID: 0000-0001-5358-1046

Boris Porshnev – Unfulfilled Literature Scholar

Abstract. The article is devoted to the early works of the prominent Soviet histo-

rian Boris F. Porshnev (1905–1972), who in the 1930s, among other things, engaged in literary research, wrote reviews and prefaces to literary works by Russian and foreign authors, tried to explore Pushkin's oeuvre. The main thesis the article proves: all literary researching texts of B.F. Porshnev are diverse, written on different topics and, obviously, on different cases and occasions. Literary studies of the historian were due to random reasons, among which the financial one (work to order) prevails. B.F. Porshnev's interpretation is quite unvaried. His works reflect the Soviet Marxist discourse of the 1930s. The common feature of Porshnev's literary criticism is that he considered all the authors and their works from the social point of view. B.F. Porshnev explains the authors' views and even aesthetics by their social position. The historian describes the characters either as guardians of the past, or adherents to the new engaged in a struggle. Quite frequently, B.F. Porshnev sees in the literature the theme of the revolution and class struggle, simplifying and even profaning the literary text interpreted by him. Literary studies of B.F. Porshnev are distinguished by lack of any complexity and, at the same time, are valuable due to their pronounced typicality. Particular attention is paid to the unfinished Pushkin studies of the historian. B.F. Porshnev believed that the themes of revolution, people and internationalism prevailed in the poet's work.

Key words: Boris Porshnev; Alexander Pushkin; Alexander Pomm; Vladimir Pecherin; review; preface; interpretation; occasion.

Борис Федорович Поршнев (1905–1972) известен, прежде всего, своими многочисленными работами по французской и европейской истории. В 1948 г. его книга «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)» была удостоена Сталинской премии, переведена на французский язык и получила признание во Франции. Затем последовали работы по общественной мысли, европейской истории, международным отношениям, политической экономии феодализма, исторической психологии и книга о происхождении человека. Все они подвергались критике за слишком смелые построения и, зачастую, за игнорирование или даже прямые искажения исторических свидетельств [Вите, Гордон 2006, 181–200]. Если в своем позднем научном творчестве Б.Ф. Поршнев всецело был увлечен историческими штудиями, поиском следов реликтового гоминоида [Ильина 2015, 39] и проблемой происхождения человека, то его довоенная деятельность была более разнородной. Он, в частности, играл некоторое время в труппе М.И. Рюма [Кондратьев, Кондратьева 2015, 143], пытался стать этнографом [Кондратьева 2017, 856–857], разрабатывал классификацию наук [Самарин 2014, 79–84]. Достаточно хаотичные перемещения, под воздействием, думается, материальных факторов из одной сферы деятельности в другую, похожие на эмпирический поиск, привели его случайным образом к франковедению [Кондратьева 2017, 863].

Оказывается, Б.Ф. Поршнев оставил свой след, едва, правда, различимый, и на ниве литературоведения и даже пытался стать пушкинистом. В 1930-х гг. он написал и напечатал несколько литературоведческих работ.

В 1933 г. издательство «Academia», сдавая в набор «Литературные

воспоминания» известного критика и поэта-символиста П.П. Перцова (1868–1947), обратилось к Б.Ф. Поршневу с просьбой написать к ним (за гонорар в 400 рублей) «в течение недели» марксистское предисловие. От автора требовалось «дать социологическую характеристику <...> символизма и модернизма <...> и социальной обстановки его развития» [РГАЛИ. 629. Оп. 1. Д. 188. Л. 4]. Б.Ф. Поршнев стремительно справился с задачей, создав схематичное, в духе рекомендаций, предисловие. Социальный контекст в нем заслонял самих героев мемуаров – Н.К. Михайловского, З.Н. Гиппиус, А.А. Филофова, Д.М. Мережковского и др., которые рисовались упрощенно. «Новая эпоха», по Б.Ф. Поршневу, оказывалась «за гранью декадентов», которые хоть и были способны «осознать» приближение конца капитализма, но одновременно не видели сил, способных его уничтожить [Поршнев 1933, V–XXXVI].

В 1934 и 1935 г. под псевдонимом В. Пушин Б.Ф. Поршнев публикует две острокритические и даже саркастические рецензии на монографию А.К. Дживелегова о Данте и на перевод «Новой жизни» этого итальянского поэта, выполненный А.М. Эфросом, который, впрочем, критикуется не столько за перевод, сколько за предисловие к нему. Публикация рецензий под псевдонимом объясняется тем, на наш взгляд, что все трое – А.К. Дживелегов, А.М. Эфрос и Б.Ф. Поршнев – тогда активно сотрудничали с издательством «Academia». А.М. Эфрос, кроме того, заведовал там отделом французской литературы, который курировал подготовку к изданию перевода «Мемуаров» кардинала де Реца А.М. Гнединой с предисловием и комментариями Б.Ф. Поршнева. А.М. Эфрос к этому времени составил весьма прохладный отзыв на представленный, по его словам, «средний» перевод [Кондратьева 2016, 148–149]. Работы А.К. Дживелегова и А.М. Эфроса Б.Ф. Поршнев считает «немарксистскими», ибо авторы не сумели раскрыть социальную обусловленность творчества Данте, правильно интерпретировать его эволюцию, объяснить очевидное, т.е. увидеть за борьбой между гвельфами и гибеллинами борьбу между буржуазией и дворянством, наконец, процитировали, но не сумели понять положение Энгельса о том, что Данте – «последний поэт Средних веков и первый поэт нового времени». Поршнев порицает А.К. Дживелегова, в частности, за некритическое использование итальянских авторов, особенно Бенедетто Кроче, которого предвзято называет «фашистом» [Пушин 1934, 81–85]; [Пушин 1935, 87–90].

В эти же годы Библиотека им. В.И. Ленина задумывает публикацию писем В.С. Печерина (1807–1885) – выдающегося отечественного антиковеда, поэта, переводчика, публициста, общественного деятеля, радикального мыслителя, католического монаха, иезуита, проповедника, миссионера и эмигранта, и Б.Ф. Поршнев активно занимается поисками его эпистолярного наследия в архивах Москвы и Ленинграда [Кондратьева 2015, 123–130].

В середине 1930-х гг. Б.Ф. Поршнев обращается к творчеству

А.С. Пушкина, заполняет тетради обширными выписками из литературоведческих работ и параллельно с ними делает выборки из исследований по социально-экономической истории России XIX в. [ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 12, Д. 13].

После революции восприятие творчества А.С. Пушкина в СССР претерпело существенную эволюцию. Несмотря на желание власти утвердить единство взглядов, в 1920-х гг. в оценке русского литературного наследия наличествовала полифония, что объясняется тем, что контроль Сталина за партийным и государственным аппаратом не был очевидным. В культурном поле существовало напряжение, создаваемое несколькими центрами влияния. Советская эстетика находилась только в начале отвердевания. Звучали призывы отказаться от пушкинского наследия («сбросить Пушкина с корабля современности») в пользу авангардного, революционного искусства. Доминировал классовый, вульгарно-социологический подход. Д. Благой полагал, что поэт оказывается чужд пролетариату, а в своем творчестве он дрейфовал от дворянской идеологии (прошлой) к мещанской (буржуазной, будущей). М.Н. Покровский, в свою очередь, писал о А.С. Пушкине как о реакционере, носителе «старо-дворянской» аристократической идеологии [Черниговский 2008, 78–79]. Рапповцы вообще объявляли А.С. Пушкина сторонником чистого искусства [Платт 2017, 166–177].

В 1930-е гг. утвердившаяся окончательно власть, приступила к формированию единообразного культурного пространства, активно задействуя культурный капитал прошлого. Фигура А.С. Пушкина оказалась весьма подходящей, и он быстро стал трансформироваться из консерватора, реакционера, сторонника чистого искусства в народного писателя и близкого трудящимся поэта, в творчестве которого можно найти мотивы «которые роднят его со сталинской эпохой» [Карпенко Г.Ю., Карпенко Л.Б. 2016, 74–75].

16 декабря 1935 г. Постановлением ВЦИК СССР был учрежден Всесоюзный Пушкинский комитет, который должен был подготовить празднование 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина. На следующий день передовица газеты «Правда» писала о А.С. Пушкине как о «великом русском поэте» [Depretto 2008, 428–429].

Трудно сказать, что побудило Б.Ф. Поршнева попытаться внести свой вклад в подготовку чествования поэта и переосмысление его образа и биографии. В июле 1935 г. он увольняется из библиотеки им В.И. Ленина и переходит на работу в Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры (МО ГАИМК) [Архив РАН. Ф. 1574. Оп. 4. Д. 90. Л. 4 об.]. Возможно, там ему поручили заняться А.С. Пушкиным. Но, может быть, он начал собирать материал по собственной инициативе, дабы занять ставшую после смерти М.Н. Покровского и его развенчания свободной тему «Пушкин как историк».

Выписки Б.Ф. Поршнева совершенно точно относятся к 1934–1936 гг. Одна из выписок сделана на библиографической карточке, на которой

значится: «Земляков Б.Ф. О послеледниковых колебаниях климата и их значении в археологии. – Проб[лемы] ист[ории] докапиталистических обществ. 1934, № 4». Среди выписок упомянуты работы С. Греса «Пиковая дама (критический очерк в диалогах)», опубликованная в журнале «Звезда», № 5 за 1935 г., А. Дермана «Пушкин и пушкинисты» (30 дней. 1935, № 5). [ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 12, 7, 39, 64]. Отсутствие более поздних выписок позволяет сделать вывод, что Б.Ф. Поршнев работал над, как он пишет, «темой Пушкин» до знаменитых празднеств 1937 г.

Историка интересовали «исторические основы» [ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 25] пушкинского творчества и его основные темы. Ему удалось написать небольшой текст, посвященный поэту, который, вероятно, предназначался к публикации. Первоначальное и нейтральное название текста «Пушкин и история» было зачеркнуто Б.Ф. Поршневым и заменено более выразительным и политически правильным заголовком: «Пушкин – непримиримый враг самодержавно-крепостнической России» [ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 38].

Прежде всего, историк отмежевался от ставших политически неактуальными и ошибочными трактовок наследия и фигуры писателя. «Горе-литературоведы, социологизаторы, пытались лишить победившие трудящиеся классы СССР пушкинского наследия. Они пытались сделать это, превратив Пушкина всего лишь в певца определенного исторического класса, дворянства, уходящего со сцены, превратив нашего великого писателя Пушкина в загробную тень, превратив его из великого поэта в археологический экспонат» [ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 38]. Б.Ф. Поршнев подчеркивает, что и «в эпоху социализма» Пушкин «остаётся <...> величайшим художником слова», у которого следует учиться. Поэт делает «огромное дело в великом созидании социалистической культуры». Но только формалисты могут сводить значение Пушкина к области культуры. «Общественное содержание» его творчества представляется Б.Ф. Поршневу намного шире. «Пушкин, – по мнению Б.Ф. Поршнева, – был подлинным гражданским поэтом и сам считал, что именно общественное содержание оставляет бессмертную основу его поэзии» [ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 38].

Б.Ф. Поршнев предлагает изучать «общественно-политические <...> взгляды» Пушкина, знать его «как социального поэта и как историка». Он выделяет в жизни писателя два периода: первый – это период «Вольности», «К Чаадаеву», связи с декабристами, когда «правительство Николая I <...> справедливо видело в Пушкине революционера», второй период наступил после подавления декабристского выступления, когда «Пушкин начал сомневаться в возможности революции в России». Поскольку любой «бунт, восстание, возмущение» против самодержавия, хотя и вызывали сочувствие поэта, но казались ему «бессмысленными» и обреченными на поражение [ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 39–40]. Во всех «российских» произведениях Пушкина – «Борис Годунов», «Капитанская дочка», «История Пугачева», «Дубровский», «Медный всадник»,

«Полтава» – возмущение против власти оканчивается неудачами и карами. Только в «Сценах из рыцарских времен», произведении из западной жизни, он описал победоносное восстание крестьян [ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 40]. Б.Ф. Поршнев высказывает мысль, что Пушкин приходит к «дуалистической концепции». Из Гизо и Тьери поэт «усвоил <...> схемы историч[еского] развития и классовой борьбы». Но «Россия никогда ничего общего не имела с остальной Европой». В Россию революцию пытались осуществить, и это видел Пушкин, не имевшие исторической перспективы дворяне. В России не оказалось класса, по мнению Б.Ф. Поршнева, который бы мог победоносно возглавить народный бунт. Поэтому «в Европе <...> революция была и возможна, и необходима, и приводила к торжеству прогрессивных идеалов; напротив, в России она, в силу конкретных причин историч[еского] развития, оказалась невозможна, обречена на поражение» [ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 13, 29–30, 31, 35].

Кроме революции, которую Б.Ф. Поршнев считал центральной темой в творчестве Пушкина, он выделяет еще две: тему народа (народность поэта) и тему интернационализма. «Народ для Пушкина – это основная историческая и творческая сила в истории <...> В будущем подлинным носителем исторического развития Пушкин представлял себе только народ <...> Вот почему так глубоко народно все творчество Пушкина. Без веры в гигантскую историческую миссию народа Пушкин никогда не связал бы так глубоко свое творчество с народным творчеством, с народной жизнью, с народным языком». Пушкин, по Б.Ф. Поршневу, – это российский Данте и Шекспир, родоначальник русской литературы [ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 12, 41]. Тема интернационализма, считает историк, проходит рефреном в «Кавказском пленнике», «Цыганах», «Арапе Петра Великого», «Калмычке» [ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 12, 41].

Воспроизведенные риторические фигуры показывают, что Поршнев хорошо усвоил новый официальный дискурс и старался в точности следовать его стереотипным формулам. Остается невыясненным: почему текст не был издан? Думается, ответ на этот вопрос, вероятно, никогда не будет найден. Возможно, автора испугали репрессии 1937 г. и страх незаметно для себя перейти незримую грань между правильным и ложным, возможно, издание, в которое текст был отдан, просто не увидело, как тогда часто бывало, свет. Но более вероятной нам представляется версия о том, что параллельно с Б.Ф. Поршневым над темой «Пушкин – историк» работал известный филолог П.С. Попов. Он хорошо знал исторические рукописи Пушкина. Им в результате был подготовлен компетентный, взвешенный академический текст, опубликованный в 1937 г. [Попов 1937, 128–149]. Прямолинейному в оценках Б.Ф. Поршневу, в общем-то, нечего было противопоставить исследованию П.С. Попова.

Во второй половине 1930-х гг. Б.Ф. Поршнев быстро трансформировался в историка Франции. Это превращение было сопровождено рецензией на перевод «Мемуаров» герцога Луи де Сен-Симона и предисловием к «Хронике времен Карла IX» Проспера Мериме.

Историк высоко оценивал перевод М.И. Гревса, исполненный с «большим научным вкусом» [Поршнев 1937, 234], и привычно рассматривал его с социологической точки зрения. «Мемуары» Сен-Симона, по его мнению, «резко оппозиционны <...> абсолютистскому режиму». Но позиция автора – это позиция реакционной аристократии, теснимой вышедшим из буржуазии дворянством мантии, бюрократами, занимающими высшие позиции в управлении королевством [Поршнев 1937, 235–236]. Свои социологические воззрения Б.Ф. Поршнев развил в предисловии к роману Проспера Мериме, сюжет которого, как известно, развивается вокруг избиения гугенотов в Париже в Варфоломеевскую ночь (1572 г.). Б.Ф. Поршнев рисует XVI в. в истории Франции – веком революционной борьбы народных масс, которая не превратилась в победоносную буржуазную революцию из-за предательства и незрелости буржуазии. Он выделяет 4 периода борьбы. Первым этапом была Реформация, когда «интересы» за «обновление общественного строя» принимали форму борьбы за «обновление религии». Активными участниками борьбы тогда выступали буржуазия и «народные массы» преимущественно городов. Реформационная буржуазия создала «гугенотство» – французскую форму кальвинизма. Испытывая страх перед революционностью народных масс, буржуазия пошла на сделку с королевской властью, что не позволило реформационному движению победить во Франции. После чего лидерство в гугенотском движении перехватывает обиженное на королевскую власть дворянство южных областей, и наступает второй этап. Гугенотское дворянство пытается выторговать у власти для себя привилегии или даже посадить на трон своего короля. Религиозные войны между гугенотами и католиками стали венцом второго этапа. После резни протестантов в Варфоломеевскую ночь наступает третий этап, «а революционная борьба, потерпевшая неудачу в русле Реформации, возродилась в русле Католической лиги». Католическая знать была поддержана буржуазией и народом. Но и здесь из-за предательства буржуазии уже Католическая лига потерпела поражение. В 1590-е гг. спадает всякая религиозная оболочка и обнаруживается «неприкрытая классовая борьба» – народные массы больше не надеются на руководящую роль буржуазии, они борются со своими классовыми врагами. Дворянство, в свою очередь, отбрасывает прежние разногласия, внутренне консолидируется и с буржуазией для борьбы с народом [Поршнев 1941, 5–12].

В 1940 г. Б.Ф. Поршнев публикует рецензию на поэму «Дорога в Бикзян» Александра Ильича Ромма (1898–1943), старшего брата М.И. Ромма, прославленного в СССР кинорежиссера. С А.И. Роммом Поршневы, включая Бориса Федоровича, были знакомы с 1920-х гг. [Кондратьев, Кондратьева 2015, 144]. «Дорога в Бикзян» впервые увидела свет в журнале «Новый мир» [Ромм 1937, 168]. Спустя два года поэма была переиздана в Уфе в издательстве «Башгосиздат». Поэма повествовала о Кельмете, приемном сыне башкирского бая Азналлы-агая, который довел до самоубийства мать юноши. Кельмет жил у бая на положении

батрака. В годы пугачевского восстания, очарованный речами Салавата Юлаева, предводителя восставших башкир, Кельмет выдает убежище Азналлы-агая бунтовщикам и присутствует при расправе над последним. После подавления восстания войсками Михельсона Кельмет оказывается повешенным. Затем действие поэмы переносится в начало 1920-х гг., когда уже новый Азналла-агай организывает восстание против Советской власти и новый Кельмет скачет стремглав в Бикзян, чтобы донести ревкому о готовящемся мятеже [Ромм 1939, 5–71].

Б.Ф. Поршнев кратко излагает канву поэмы А.И. Ромма. Он рассматривает ее как историческую, в которой показана слабость, неорганизованность и разрозненность восставших пугачевцев и сила большевистской революции, опирающейся на рабочий класс, который представляют рабочие ревкома в Бикзяне. Вместе с тем, он отдает должное поэту, сумевшему показать специфику кочевой Башкирии, обозначить тему Родины, поэтически описать кочевой быт аулов и природу Урала [Поршнев 1940, 267–269].

Подчеркнем: контакты А.И. Ромма и Б.Ф. Поршнева и влияние первого на второго пока даже не обозначены. Но если учесть, что Б.Ф. Поршнев, начиная с 1938 г., работает над книгой, носящей рабочее название «Философия и история», в которой пытается «анализировать слова, как условные знаки вещей» и «слово, еще не имевшее функции что-либо означать» [ОР РГБ. Ф. 684. К. 3. Л. 4; К. 4. Л. 10], то становится ясным, что он был знаком с актуальными проблемами лингвистики 1920–1930-х гг. и лингвистической концепцией Фердинанда де Соссюра. Фердинанда де Соссюра Б.Ф. Поршнев будет затем активно использовать в своих поздних построениях, не делая при этом никаких ссылок [Поршнев 1969, 108]; [Поршнев 1970, 21, 24–25, 319]. Осмелимся предположить, что лингвистическую концепцию де Соссюра Б.Ф. Поршнев узнал благодаря А.И. Ромму, пытавшемуся в начале 1920-х г. впервые в России перевести «Курс общей лингвистики» де Соссюра на русский язык. Известно, что рукопись незаконченного перевода А.И. Ромма ходила по Москве в списках [Иванова 2015, 171].

Суммировав разрозненные и, очевидно, неполные данные, подведем итоги. Все литературоведческие тексты Б.Ф. Поршнева разнородны, написаны на разные темы и, очевидно, по разным случаям и поводам. Казалось бы, логичным было обращение к литераторам XIX в., поскольку историк специализировался в Институте Истории РАНИОН именно на общественной мысли этого времени. Однако среди его текстов только предисловие к мемуарам П.П. Перцова, поиск писем В.С. Печерина и работа над пушкинской темой относятся к XIX в. Но первые два сюжета обусловлены заказами, либо поручениями, поэтому были, думается, достаточно случайными. «Тема Пушкин» возникла в связи с юбилеем и радикальной переоценкой творчества поэта, поэтому сулила, если бы удалось соответствовать политическому запросу, очевидные перспективы. Работы, относящиеся к европейской литературе, тоже, видимо, были обусловлены

заказами. Все литературоведение Б.Ф. Поршнева объединяет то, что на характеризующие произведения и их авторов он смотрел с социальной точки зрения. Социальной позицией автора Б.Ф. Поршнев объяснял его воззрения и даже эстетику. Литературные герои у историка либо охранители старого, либо приверженцы нового, занятые взаимной борьбой. Очень часто в литературе Б.Ф. Поршнев усматривает тему революции и классовой борьбы, упрощая и даже профанируя интерпретируемую им литературную ткань. Литературоведение Б.Ф. Поршнева отличается отсутствием какой бы то ни было замысловатости и ценно своей подчеркнутой типичностью.

АРХИВЫ

1. Архив Российской академии наук (Архив РАН).
2. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вите О.Т., Гордон А.В. Борис Федорович Поршнев (1905–1972) // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 181–200.
2. Depretto C. Марксизм гуманитариев: пушкинистика во второй половине 1930-х годов // Russian Literature. 2008. Vol. LXIII. Issues 2–4. P. 427–442.
3. Иванова И.С. Рецепция теории Фердинанда де Соссюра советскими лингвистами (1920–1930-е гг.) // XLIII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2014 г.: избранные труды. СПб., 2015. С. 170–183.
4. Ильина И.Н. Документы Архива РАН об изучении «снежного человека» в конце 1950-х гг. // Отечественные архивы. 2015. № 3. С. 37–43.
5. Карпенко Г.Ю., Карпенко Л.Б. «Юбилейные» языковые клише о Пушкине, или Поэт на службе у государств // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 4. С. 72–79.
6. Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Повседневная жизнь семьи Поршневых в 1928 г. (По материалам писем Екатерины Федоровны Поршневой Михаилу Ильичу Ромму) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 142–146.
7. Кондратьева Т.Н. Б.Ф. Поршнев в поисках наследия русского католика В.С. Печерина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. 2015. Т. 1. № 1 (1). С. 123–130.
8. Кондратьева Т.Н. От исторической фактуры к социологическим фигурам, или как кардинал де Рец обратил Бориса Федоровича Поршнева во франковеда // Новый исторический вестник. 2016. Вып. 4 (50). С. 145–164.
9. Кондратьева Т. Борис Федорович Поршнев: между русистикой и франковедением, или О роли случайности в судьбе историка // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 3. С. 853–866.
10. Платт Д. Здравствуй, Пушкин!: сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб., 2017.
11. Попов П.С. Пушкин как историк // Вестник Академии Наук СССР. 1937. № 2–3. С. 128–149.

12. Поршнев Б. Историческая поэма Александра Ромма // Литературный критик. 1940. № 7–8. С. 267–269.
13. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 80–112.
14. Поршнев Б.Ф. Предисловие // Мериме П. 1572. Хроника времен Карла IX / пер. А. Виноградова. М.; Л., 1941. С. 3–12.
15. Поршнев Б.Ф. Предисловие // Перцов П.П. Литературные воспоминания, 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. V–XXXVI.
16. Поршнев Б.Ф. Рец. на кн.: Сен-Симон. Мемуары / перевод и коммент. И.М. Гревса. М., 1936 // Историк-марксист. 1937. № 5–6. С. 234–237.
17. Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.
18. Пушкин В. Научнообразный труд [рец. на кн.: Дживелегов А.К. Данте Алигьери. М., 1933] // Книга и пролетарская революция. 1934. № 6. С. 81–85.
19. Пушкин В. Изысканно-опошленный Данте [рец. на кн.: Данте Алигьери. Vita Nova / пер. с итал., введ. и примеч. А. Эфроса. М., 1934] // Книга и пролетарская революция. 1935. № 3. С. 87–90.
20. Ромм А. Дорога на Бикзьян // Новый мир. 1937. № 7. С. 168.
21. Ромм А. Дорога в Бикзьян. Уфа, 1939.
22. Самарин А.Ю. Б.Ф. Поршнев: научный консультант Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина // Библиотекословение. 2014. № 2. С. 77–85.
23. Черниговский Д.Н. Политическая биография А.С. Пушкина в трудах советских социологов 1920–1930-х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 1. № 2. С. 78–82.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Chernigovskiy D.N. Politicheskaya biografiya A.S. Pushkina v trudakh sovetskikh sotsiologov 1920–1930-kh gg. [Political Biography of A.S. Pushkin in the Proceedings of the Soviet Sociologists]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, 2008, vol. 1, no. 2, pp. 78–82. (In Russian).
2. Depretto C. Marksizm humanitariyev: pushkinistika vo vtoroy polovine 1930-kh godov [Marxism and Humanities: Pushkin Studies in the Second Half of the 1930s]. *Russian Literature*, 2008, vol. LXIII, no. 2–4, pp. 427–442. (In Russian).
3. Il'ina I.N. Dokumenty Arkhiva RAN ob izuchenii "snezhnogo cheloveka" v kontse 1950-kh gg. [Documents of Archive of RAN about the Research of "Snowman" in the End of 1950s]. *Otechestvennyye arkhivy*, 2015, no. 3, pp. 37–43. (In Russian).
4. Karpenko G.Yu., Karpenko L.B. "Yubileynyye" yazykovyye klishe o Pushkine, ili Poet na sluzhbe u gosudarstv ["Jubilee" Language Cliches about Pushkin, Or a Poet in the Service of the State]. *Vestnik Samaranskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, 2016, no. 4, pp. 72–79. (In Russian).
5. Kondrat'yev S.V., Kondrat'yeva T.N. Povsednevnyaya zhizn' sem'i Porshnevykh v 1928 g. (Po materialam pisem Ekateriny Fedorovny Porshnevoy Mikhailu Il'ichu Rommu) [Everyday Life of the Porshnev Family in 1928 (by the Correspondence of Ekaterina Porshneva with Mikhail Romm)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 400, pp. 142–146. (In Russian).
6. Kondrat'yeva T.N. B.F. Porshnev v poiskakh naslediya russkogo katolika

V.S. Pecherina [Boris Porshnev's Search of Epistolary Heritage of Russian Catholic Vladimir Pecherin]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanities*, 2015, vol. 1, no. 1 (1), pp. 123–130. (In Russian).

7. Kondrat'yeva T.N. Ot istoricheskoy faktury k sotsiologicheskim figuram, ili kak kardinal de Rets obratil Borisa Fedorovicha Porshneva vo frankoveda [From Historical Facts to Sociological Constructs, Or How Cardinal De Retz Turned Boris Porshnev into a Specialist in French History]. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2016, no. 4 (50), pp. 145–164. (In Russian).

8. Kondrat'yeva T. Boris Fedorovich Porshnev: mezhdru rusistikoy i frankovedeni- yem, ili O roli sluchaynosti v sud'be istorika [Boris F. Porshnev: Between Russian and French History, Or on the Role of Chance in a Historian's Life]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 3, pp. 853–866. (In Russian).

9. Popov P.S. Pushkin kak istorik [Pushkin as a Historian]. *Vestnik Akademii Nauk SSSR*, 1937, no. 2–3, pp. 128–149. (In Russian).

10. Porshnev B.F. Rets. na kn.: Sen-Simon. Memuary, perevod i komment. I.M. Greva. M., 1936 [Review: Saint-Simon. Memoirs. Translation and Commentar- ies by I.M. Greva. Moscow, 1936]. *Istori-marksis*, 1937, no. 5–6, pp. 234–237. (In Russian).

11. Porshnev B. Istoricheskaya poema Aleksandra Romma [Historical Poem by Alexander Romm]. *Literaturnyy kritik*, 1940, no. 7–8, pp. 267–269. (In Russian).

12. Pushin V. Naukoobraznyy trud [rets. na kn.: Dzhivelegov A.K. Dante Alig'yeri. M., 1933] [Work Imitating Science [Review: Djivilegov A.K. Dante Aligh- ieri. Moscow, 1933]. *Kniga i proletarskaya revolyutsiya*, 1934, no. 6, pp. 81–85. (In Russian).

13. Pushin V. Izyskanno-oposhlenny Dante [rets. na kn.: Dante Alig'yeri. Vita Nova, per. s ital., vved. i primech. A. Efrosa. M., 1934] [The Exquisitely-trivialised Dante [Review: Dante Alighieri. Vita Nova. The Translation from Italian, Introduction and Comments by A. Efros]. *Kniga i proletarskaya revolyutsiya*, 1935, no. 3, pp. 87–90. (In Russian).

14. Samarin A.Yu. B.F. Porshnev: nauchnyy konsul'tant Vsesoyuznoy biblioteki im. V.I. Lenina [Boris F. Porshnev, Academic Consultant of the All-Union Library Named after V.I. Lenin]. *Bibliotekovedeniye*, 2014, no. 2, pp. 77–85. (In Russian).

15. Vite O.T., Gordon A.V. Boris Fedorovich Porshnev (1905–1972) [Boris Fe- dorovich Porshnev (1905–1972)]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2006, no. 1, pp. 181–200. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

16. Ivanova I.S. Retseptsiya teorii Ferdinanda de Sossyura sovetскими lingvistami (1920–1930-e gg.) [The Reception of the Theory of Ferdinand de Saussure by Soviet linguists (1920–1930)]. *43 Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 11–16 marta 2014 g.: izbrannyye trudy* [43 International Philological Conference, St. Petersburg, 11–16 March 2014: Selected Works]. Saint-Petersburg, 2015, pp. 170–183. (In Russian).

17. Porshnev B.F. Predisloviye [Preface]. *Pertsov P.P. Literaturnyye vospomi- naniya, 1890–1902 gg.* [Literary memories, 1890–1902]. Moscow; Leningrad, 1933, pp. V–XXXVI. (In Russian).

18. Porshnev B.F. Predisloviye [Preface]. *Mérimée P. (author), Vinogradov A. (translator). 1572. Khronika vremen Karla IX* [1572. Chronicle of the time of Charles

IX]. Moscow; Leningrad, 1941, pp. 3–12. (In Russian).

19. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoy istorii [On the Beginning of Human History]. *Filosofskie problemy istoricheskoy nauki* [Philosophical Problems of His- torical Science]. Moscow, 1969, pp. 80–12. (In Russian).

(Monographs)

20. Platt J. *Zdravstvuy, Pushkin!: stalinskaya kul'turnaya politika i russkiy natsional'nyy poet* [Greetings, Pushkin! Stalinist Cultural Politics and the Russian Na- tional Bard]. Saint-Petersburg, 2017. (Translated from English to Russian).

21. Porshnev B.F. *Frantsiya, Angliyskaya revolyutsiya i evropeyskaya politika v sereдинe 17 v.* [France, the English Revolution and European Politics in the Mid-17th Century]. Moscow, 1970. (In Russian).

Кондратьев Сергей Витальевич, Тюменский государственный университет. Доктор исторических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики. Область научных интересов: история отечественной исторической науки.

E-mail: s.v.kondratev@utmn.ru

Кондратьева Тамара Николаевна, Тюменский государственный университет.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления. Область научных интересов: история отечественной исторической науки.

E-mail: ktamara1960@yandex.ru

Sergey V. Kondratiev, Tyumen State University. Doctor of History, Professor at the Department of Modern History and World Poli- cy. Research interests: History of Russian historical science.

E-mail: s.v.kondratev@utmn.ru

Tamara N. Kondratieva, Tyumen State University. Candidate of History, Associate Professor at the Department of Document Man- agement and Document Supporting of Administration. Research interests: History of Russian Historical Science.

E-mail: ktamara1960@yandex.ru